

САМВЕЛ КАРАБЕКЯН

УРОВНИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ОСНОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ ОПИСАНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ АРАБСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Лингвистический анализ любого текста предполагает предварительное определение тех его пределов, в которых располагается сегмент, могущий быть квалифицированным как единица анализа. При этом, как правило, вводится термин, пользуясь которым можно выделить и обозначить и другие единицы текста, производные по отношению к минимальной и, в то же время, сводимые к ней применением закономерного ряда определенных исследовательских процедур.

Задача определения подобного рода минимальной единицы приобретает первостепенное значение, поскольку очевидно, что максимальная корректность создаваемой в процессе исследования модели языка напрямую зависит от методики членения текста и выделяемых в ней минимальных единиц описания.

Вопрос этот непосредственно связан с проблемой обозначения границ единицы, претендующей на статус ядерного структурного компонента текста, на которую без остатка членился бы текст, состоящий из тех или иных ее морфологических и морфонологических модификаций.

Лингвистическая традиция обращается к решению аналогичной задачи в контексте проблемы определения границ слова. При этом применение тех или иных критериев для решения этой задачи обычно приводит либо к постулированию принципиальной ее неразрешимости, либо в качестве варианта решения проблемы предлагается определять границы слова соответственно плану рассмотрения текста (т.е. - уровню описания) и различать, соответственно, фонетическое, графическое и т.д. слова¹.

Методика выделения текстовых единиц и стратификации языкового материала в традиционном арабском языкознании (далее - ТАЯ) основывается на богатом техническом арсенале средств, при-

меняемых для анализа текста, принцип организации которого (арсенала) не всегда просто поддается выявлению. К числу главнейших таких средств следует прежде всего отнести применяемую в практике лингвистического описания современной арабистики методику обозначения корневых элементов основы символами f, e и l, которым придается абстрагированное от общезыкового значения их последовательности содержание (faeala - "он сделал"). Применение этой методики приводит к выделению простейшей глагольной основы (al-fiel al-mujarrad ai-iulviyu), выступающей в качестве своего рода «эталонной формы», продуцирующей систему рядов словообразовательных моделей ('al-awzan)².

Современная лингвистика, при всем разнообразии существующих взглядов, подходов и направлений, в основном, исходит из т.н. уровневой концепции, предполагающей создание многоярусной модели описания, которая основана на выделении единиц различных уровней. Вместе с тем, при исследовании особенностей содержательного строения первичной основы-продуцента в арабском литературном языке возникает необходимость уточнения уровней лингвистического анализа в терминах, в которых ведется ее описание в традиционном арабском языкознании (далее - ТАЯ). Подобная постановка вопроса возникает связи с тем, что представление различных аспектов ее содержания в терминах, традиционных для уровневой концепции, составляющей методологическую базу современного языкознания (далее - СЯ), не всегда позволяет эффективно и адекватно выявлять те или иные содержательные стороны этой языковой единицы. Проблемы подобного рода возникают всякий раз, когда ставится задача изучения фонологических, морфологических и синтаксических характеристик основы, поскольку анализ ее в терминах, соответственно, фонем, морфем и словоформ наталкивается, с одной стороны, на трудности гносеологического порядка (они связаны в основном с задачей адекватного толкования традиционных терминов анализа - harf, kalima, jumla, содержательные пределы которых зачастую очевидным образом не совпадают с ближайшими по смыслу и системному значению терминами теоретической лингвистики), а с другой - ограничивается онтологическими характеристиками самого языкового материала, сопротивление которого метаязыку современной лингвистической теории в ряде случаев искажает результаты анализа. Подобная ситуация, как правило (и об этом со всей очевидностью свидетельствует история современной арабистики), приводит в лучшем случае к весьма приблизительному и произвольному манипулированию терминами современного уровня языкознания и попыткам деформировать их системное со-

держание, а в худшем - к бессильному постулированию некой «экзотичности» исследуемого материала.

Между тем, как представляется, проблемы адаптации терминов, составляющих метаязык современной лингвистики, к задачам описания неиндоевропейского языкового материала возникают лишь в связи с тем, что эти термины обозначают собой определенную стратификацию исследуемого языкового материала, основанную на тех или иных онтологических его свойствах. Естественно поэтому предположить, что суть описанных выше расхождений заключается в различиях в стратификации индоевропейского и семитского (в нашем случае - арабского) языкового материала, поскольку очевидно, что аппарат описания, обслуживающий определенный тип стратификации, не способен столь же адекватно обслуживать языковой материал с отличными от него стратификационными параметрами. Необходимо сразу же оговориться, что рассматриваемая проблема не может быть решена путем механического перехода из одной системы описания в другую, поскольку это, с одной стороны, вызывает очевидную необходимость создания некоего особого метаязыка, основанного на терминах традиционной системы описания, и с другой - что более важно, к отказу от терминологического и понятийного аппарата современной лингвистики, что не только нецелесообразно по теоретическим соображениям, но и, как нетрудно заметить, практически возвращает проблему на исходный уровень, поскольку не решается задача определения содержательного строения языковых единиц. Все это со всей очевидностью указывает на необходимость детального рассмотрения онтологических и гносеологических основ стратификации арабского языкового материала, или, иначе говоря, «уровневой концепции» ТАЯ. Системный характер этой проблемы делает ее решение неизбежным предварительным условием любого лингвистического исследования на арабском языковом материале.

* * *

Традиционное арабское языкознание при рассмотрении содержательного строения первичной глагольной основы оперирует в основном тремя понятиями *harf*, *fiel* и *jumla*. При этом операционное поле каждой из таких единиц включает в себя термин комплементарного порядка, обслуживающий определенные процедуры, обеспечивающие функционирование базового понятия. Так, операционное поле термина *harf* включает дополнительный термин *haraka*, обретающий в операциональной системе харфа статус подпонятия, квалифицирующего и конституирующего его с точки зрения выполнения им определенной семиотической функции. Для понятия *fiel* таким компле-

ментом служит понятие *faeil*. Очевидно, что такая гносеологическая картина, по меньшей мере, в силу своей неоднородности, сама по себе не создает корректных оснований для их однозначного отнесения к близким в системном отношении понятиям теоретической лингвистики, как, скажем, фонема или морфема, и речь в данном случае идет об определении пределов лингвистического анализа, на уровне которого ведется описание терминами, соответственно, фонема и *harf*.

В самом деле, понятие фонемы, по сути дела, самодостаточно и универсально с точки зрения описания как внутриуровневых (фонологических характеристик) так и обслуживания вышележащего (морфологического) уровня. Любая морфема может быть записана как последовательность фонем, и с точки зрения этой функции фонема самодостаточна: снимая свое фонологическое содержание она становится интегрантом морфологической формы. Тем самым операциональное поле фонемы отличается однородностью и позволяет выполнять свои функциональные задачи, не прибегая к понятиям дополнительного порядка, поскольку дифференциальная и интегральная функции этой единицы приписаны ей самой. Она - дифференцирует единицы фонологического порядка, и интегрирует единицы морфологического порядка.

В рассмотрении уровневой принадлежности понятия *harf*, с функционированием которого связано понятие *haraka*, главная задача состоит именно в определении операциональной природы этих единиц, в их семиотическом назначении и в сущности охватываемого ими языкового содержания. Рассмотрим эту проблему с точки зрения базовых принципов, на которых основано понятие уровня языковой системы в теоретической лингвистике. Попытаемся предположить, что введение в аппарат описания дополнительного понятия связано с различием дифференциальных и интегральных функций единицы, составляющей искомый уровень анализа. Тогда с понятием *harf* должно связываться выполнение, в основном, дифференциальных функций (функции различения единиц первого уровня), а с понятием *haraka* - функций, позволяющих интегрировать единицу в экспонент единицы вышележащего уровня. В этом смысле возникновение самого термина *haraka* происходит лишь на стадии включения единицы в структуру единицы вышележащего уровня, при этом обеспечивая снятие собственного содержания единицы. С другой стороны, очевидно, что неединичность терминов, обслуживающих данный уровень, несомненно, создает необходимость рассмотрения их во внутриуровневых отношениях также и в плане их функциональных отношений в противопоставлении по признаку первичности-вторичности.

С этой точки зрения, очевидно, что первичность дифференциальной функции при внутриуровневом рассмотрении влечет за собой функциональную первичность понятия *harf*, с которым и связывается выполнение дифференциальной функции, тогда как вторичность интегральной функции при внутриуровневом рассмотрении приводит к постулированию вторичности связанного с выполнением этой функции понятия *haraka*, т.е. понятие *haraka* иррелевантно при фонологическом рассмотрении. Иная картина возникает на той стадии анализа, когда релевантным становится интегральный аспект, иначе говоря, на стадии перехода на вышележащий уровень описания. Очевидно, что исследовательский контекст в данном случае однозначно предполагает активизацию подсистемы *haraka* и, как следствие, переозначивание единиц анализа по признаку первичности-вторичности. Создается достаточно сложная, но вместе с тем, логически стройная гносеологическая ситуация, когда путем повышения категориального статуса исходно вторичной единицы достигается цель перевода исходно первичной единицы на новый уровень рассмотрения. При этом необходимо подчеркнуть, и на это однозначно указывает исследовательский контекст, что сама по себе активизация подсистемы *haraka*, выдвижение ее на первый план, на самом деле как бы вторична, поскольку содержание этого процесса на деле связано с необходимостью понижения категориального статуса базовой подсистемы харфа с целью снятия его содержания и перехода в форму-интегрант единицы вышележащего уровня. Завершение этого процесса связано с двумя основными последствиями: во-первых, это переосмысление базовой единицы, интерпретируемой как содержание того или иного участка звучащей речи (фонологического ее содержания - *harf kaf*, *harf ba'* и т.д.), в качестве формы того или иного участка языковой единицы (морфологическое содержание - *harf asliyy/zaid*, *fw' al-fiel* и т.д.), во-вторых, это свидетельствует о том, что *harf* как единица содержания - единица парадигматического класса, не имеющая синтагматической направленности и могущая быть рассмотрена безотносительно к понятию *haraka*, тогда как *harf* как единица формы - единица синтагматического класса, не могущая быть рассмотрена безотносительно к понятию *haraka*. Нетрудно заметить, что это по сути дела означает отсутствие у понятия *haraka* фонологического содержания и то, что, строго говоря, само это понятие возникает лишь на послефонологическом уровне. Другое важное наблюдение, приобретающее системное значение, заключается в том, что рассматриваемая система отношений свидетельствует, что *harf* как единица содержания не сегментен: элементы этого парадигматического класса находятся между собой лишь в отношениях субституции, и говорить о харфе как сегменте речи, становится воз-

можным лишь на уровне интерпретации харфа как единицы формы, когда его содержание формализуется введением в систему описания понятия *haraka*, которое и сигнализирует о границе харфа как сегмента речи.

Нельзя не заметить, что логика процесса перехода от харфа как единицы содержания к харфу как единице формы, несмотря на наличие ряда признаков, свидетельствующих о неоднородности данного процесса, тем не менее, не дает достаточных оснований для корректной и непротиворечивой дифференциации двух различных уровней анализа, поскольку, во-первых, как сегмент речи и дискретная языковая единица *harf* формируется лишь на уровне единицы формы, а во-вторых, и как следствие, сами текстовые варианты этой единицы оформляются и различаются только и только в рамках данной формы, т.е. в рамках речевого сегмента.

Поэтому говорить о четком разграничении данного процесса и выделении самостоятельных уровней, которые могли бы с достаточной степенью обоснованности соответствовать фонологическому и морфологическому уровням анализа в современном языкознании, вряд ли возможно. В самом деле, верхняя граница рассмотренного процесса формирования харфа как единицы анализа морфологической формы, хотя и вступает в пределы морфологического анализа, тем не менее, охватывает лишь тот его аспект, который связывается обычно с функционированием фонемы как компонента экспонента морфемы, оставляя в стороне проблемы, связанные с собственно морфемным членением языковой единицы. С другой стороны, нижние пределы анализа обнаруживают сходство с теми вопросами, которые обычно связываются с обсуждением дифференциальных признаков фонемы, или меризматическим (в терминологии Э.Бенвениста³) планом рассмотрения. При этом нельзя не заметить, что в этой части анализа практически вне пределов рассмотрения оказываются гласные элементы, поскольку экспликация связанного с ними понятия *haraka* происходит в верхней части искомого уровня. Вместе с тем целый ряд употреблений терминов, связанных с элементами, составляющими подсистему *haraka*, позволяет предположить, что их различению в этой части анализа исследовательская модель придает просодическое содержание. Создается, по сути дела, исследовательская ситуация, при которой основная часть собственно фонологических вопросов тесно увязывается с морфологическим аспектом, и любое фонологическое указание оказывается тесно увязанным с морфологическим, а любое морфологическое указание оказывается неразрывно связанным с фонологическим. Подобное пересечение признаков происходит в пределах харфа как единицы формы, того минимального сегмента, который и представляет собой пучок отно-

шений признаков меризматического, просодического и морфологического характера. Все это дает основание говорить о выделении в традиционной исследовательской модели некоего нерасчлененного фономорфологического уровня, единицей которого является харф.

Граница харфа представляет, по сути дела, границу перехода на вышележащий уровень анализа и маркером этой границы, а стало быть, и уровня рассмотрения, является *haraka*. При этом нельзя не заметить, что просодический характер содержания этой единицы как бы «морфологизирует» просодический аспект анализа, что можно выделить как одну из главнейших особенностей данной исследовательской модели и что принципиально отличает ее от уровневой концепции современного языкознания, где просодическая проблематика, за редким исключением, не пересекается с морфологической, а морфемное и слоговое деление рассматриваются как явления разного порядка. Таким образом, харф в системе описания приобретает тройное содержание, функционируя одновременно как фонологическая, просодическая и морфологическая единица. Последний аспект содержания приобретает в системе описания ключевое значение, поскольку приобретая именно этот аспект, харф переозначивается как минимальная позиция морфологической формы. Именно это содержание харфа становится формой построения морфологической единицы, и именно это содержание, дифференцируя разные позиции такой формы, вновь перераспределяет понятия *harf* и *haraka* по признаку первичности-вторичности, создавая необходимый энергетический заряд для перехода на новый уровень анализа. Фактически на стадии инициирования собственно морфологического анализа, противопоставление *harf* - *haraka* оказывается изоморфным начальной стадии предшествующей ступени анализа, где также именно *harf*, как носитель дифференциальных свойств, представал в качестве первичного. Здесь *harf* приобретает функцию различения позиций основы.

Понятие позиции оказывается принципиальным на новой ступени анализа, поскольку приобретение позиционного содержания непосредственно связано с окончательным формированием харфа как сегмента языковой формы. При этом ключевое значение приобретает синтагматический аспект, и экспонент морфологической единицы формируется не из харфов-реальных сегментов, а из харфов-обозначений позиций, т.е. внешний облик морфонологической единицы предстает в виде позиционной структуры. В этом принципиальное отличие содержательного строения морфологической единицы в арабском языке от морфологии индоевропейских языков, где экспонент морфемы рассматривается как конкретный набор фонологических единиц, а понятие морфологической позиции, хотя и при-

сутствует в ряде случаев, однако явным образом носит маргинальный характер, описывая периферийные вопросы, как, например чередование фонем на морфологических стыках, представляющий предмет морфонологического описания, т.е. описания как бы внеуровневого, межуровневого. Понятно поэтому, что проблема позиции возникает здесь только в значении исходной или конечной позиции, где и происходят упомянутые явления, тогда как для арабской морфологии понятие позиции является основным конструктивным элементом для формирования облика морфологических единиц, и лишь на стадии окончательного формирования трехпозиционной структуры наступает граница минимального сегмента, в пределах которого можно говорить о выражении морфологических значений.

Основная теоретическая трудность, которая возникает на данной ступени анализа, связана с тем, что, хотя первичным здесь становится понятие позиции, при оперировании которым и создается понятие 'al-fiel, понимаемое как единица, имеющая позиционную структуру fa't eayn+ lam, несмотря на указанный выше синтагматический аспект самого понятия, эта единица не может быть оценена как речевой сегмент, не будучи интегрирована в состав некой единицы более высокого уровня; ведь, как мы имели возможность убедиться, в качестве реального речевого сегмента единица любого уровня в данной исследовательской модели может иметь реальное прочтение (yulfaz) лишь в составе высшей единицы. Поэтому было бы естественным предположить, что восприятие упомянутого позиционного набора, в качестве более крупного речевого сегмента чем харф, предполагает обратное перераспределение компонентов позиции по признаку первичности-вторичности, в целях активации интегральных признаков рассматриваемой единицы (fiel). Поскольку анализ дифференциальных признаков единицы ведется в терминах позиций, было бы естественным предположить, что интегративный признак сам по себе должен иметь аналогичную содержательную природу. В этом плане, по всей видимости, интеграция рассматриваемого позиционного набора в состав более высокой единицы должна происходить путем снятия содержания каждой из позиций, что возможно их объединением в единое понятие fiel, которое достигается, как и на предшествующем уровне, новым повышением понятия haraka в ранге «как первичного», причем очевидно, что это может происходить лишь в рамках конечной позиции lam. Экспликация понятия haraka в рамках последней позиции, по сути дела, снимает содержание внутреннего строения всех предшествующих позиций и переводит единицу на вышележащий уровень, в пределах которого она и может рассматриваться как реальный языковой сегмент, обладающий мор-

фологической значимостью, имеющий реальное прочтение (yulfaz) и могущий быть рассмотренным с точки зрения внутренней структуры.

Вместе с тем, на этой ступени анализа открывается возможность рассмотрения позиционной структуры рассматриваемой единицы с точки зрения сквозного для всех ступеней анализа противопоставления по признаку первичности-вторичности, поскольку и на данной стадии эксплицируясь и повышая единицу в ранге, *hara*ка вновь становится вторичной. При этом, поскольку экспликация значения *hara*ка происходит в пределах последней позиции, она тем самым как бы обособляется от остальных в качестве позиции, заключающей в себе понятие *fweil*. Тем самым содержание единицы перераспределяется на два основных компонента, один из которых заключается в пределах позиционного блока *fv' + eaup*, рассматриваемого на этой ступени в качестве первичного, и позиции *lam*, рассматриваемой в качестве вторичной. Очень важным представляется в данном контексте то обстоятельство, что арабская традиция содержит ряд зачастую неэксплицитно выраженных указаний, совокупность которых недвусмысленно указывает на подобного рода противопоставление, рассматривая ее в рамках описания *bipw' 'al-fiel*. В этой подсистеме описания раздельно рассматривается *bipw'* первых двух позиций (*mabniy li-l-maelym*, *mabniy li-l-majhyil*) и *bipw'* последней позиции (*mabniy eala-l-fath*, *mabniy eala-s-sukyn*). С другой стороны, семантика форм свидетельствует о достаточной условности подобного противопоставления, поскольку возникающее на этом уровне подсистема *fweil*, обслуживающая операционное поле понятия *fiel*, хотя оформляется окончательно лишь по завершении формирования последней позиции, иницируется уже в начальной позиции единицы, где уже содержится первичное указание о наличии или отсутствии семы *fweil*. Таким образом, на данной ступени рассмотрения создается возможность последовательного анализа структуры как базового элемента *fv'+eaup*, так и вторичного компонента.

Здесь представляется уместным вновь обратиться к противопоставлению первичное-вторичное с точки зрения исследовательской техники. Понятие первичное применяется как бы для ограничения, вычленения той структурной части языковой единицы, которая на данной стадии анализа является собственно предметом исследования. Это своего рода препарат языкового материала, предназначенный для анализа его внутренних функциональных свойств в отвлечении от тех параметров языковой единицы, которые представляют собой ее несколько иной аспект. Понятно, что последующая стадия анализа (подчеркнем, что речь идет об отношениях внутри одного уровня) предполагает перенос исследовательской цели на оставшуюся часть единицы, которая тем самым становится основ-

ной. В этом контексте логика перехода с одного уровня на другой может быть описана следующим образом: переключение исследовательского внимания, цели на исходно комплементарный для данного уровня сегмент и провозглашение его базовым, обозначает собой завершение анализа на данном уровне, а значит, само по себе такое переключение уже свидетельствует о переходе к анализу другого уровня содержания единицы.

Исследовательский прием попеременного выделения двух содержательных частей единицы, как уже указывалось, как бы подменяет сегментацию в традиционном смысле этого слова, как бы «затеняя» маргинальную на данной стадии сторону и очерчивая собственно пределы анализа.

Проблема сегментации в данной системе анализа, вообще говоря, ставится несколько иначе. Сегментируемой может являться лишь единица при полном завершении формирования своего содержания, т.е. по окончательном завершении процесса анализа всех аспектов единиц, только на этой ступени единица приобретает самостоятельное функционирование и может рассматриваться как сегмент языка и речи. Любой отрезок языковой материи, не прошедший эти две последовательные стадии статуса языковой единицы не приобретает. Именно по этому сегментом, а стало быть, и языковой единицей, провозглашается харф, внутри которого сегментация оказывается не возможной, и именно поэтому становится невозможна сегментация внутри содержательного блока ('al-jumla) между функциональными компонентами *fiel* и *fveil*, и сама единица рассматривается как единая, неразложимая на составные сегменты целое, как минимальный сегмент данного уровня описания.

Строго говоря, понятие позиции, в собственном смысле этого слова, возникает лишь тогда, когда, собственно говоря, харфы вступают во взаимодействие друг с другом на уровне своих функциональных свойств, образуя линейную последовательность. На предшествующей ступени речь идет о существовании системы троичных фонемных цепочек, не имеющих линейный характер, некое подобие круга Халила в аруде⁴. Каждый из членов такого, по сути дела, троичного парадигматического подкласса, обращается в линейную последовательность лишь при инициировании синтагматического (просодического) аспекта анализа, когда на этом круге выбирается начальная точка отсчета и сегмент, харф, выбранный в качестве таковой, провозглашается *fv* 'al-fiel. В соответствии с этим, круг замыкается в точке предшествующей ему и обозначает собой завершающий сегмент линейной последовательности *faeala*. Правила вхождения фонологических единиц в подклассы сочетаемости представляют собой достаточно известный набор фонологических

правил, важно здесь то, что в отличие от подклассов фонологической системы СЯ, здесь фонемные единицы группируются не только по акустико-артикуляторным характеристикам, но и по подклассам сочетаемости, порождающим то или иное количество речевых последовательностей, изначально запрограммированное количественным составом каждой такой порождающей парадигмы.

Попытаемся обобщить данные предшествующего анализа с целью определить тот объем информации, который и составляет собственно задачу данного уровня анализа в ТАЯ, определить его нижний и верхний предел и степень соответствия с аналогичным по системному содержанию уровнем анализа в СЯ. Выше уже указывалось, что формирование харфа, как минимальной материальной единицы языка, представляет собой результат своеобразного пересечения фонологических (содержательных) и просодических (функциональных) признаков. В процессе такого пересечения и обнаруживается морфологическая (словообразовательная) функция этой единицы. Упоминалось также, что в процессе считывания информации, заключенной в объеме данной единицы, происходит своеобразная архивизация считанной информации в символах предполагающих ее системное означивание, после чего считанная информация провозглашается вторичной и первичным становится считывание другой - признаковой составляющей единицы, после чего и происходит идентификация единицы как таковой. Так, например, процесс отождествления сегмента ка как одной из далее неразложимых минимальных составляющих последовательности *kataba*, происходит в результате считывания фонологической информации, в результате чего возникает возможность идентифицировать данный сегмент как *harf kvf*. Далее эта информация воспринимается как считанная, что позволяет абстрагироваться от ее конкретного фонологического содержания (поскольку оно уже идентифицировано) и воспринимать его лишь как позицию реализации любого сегмента, могущего быть идентифицированным как харф, позицию, лишенную конкретной фонологической реализации, позицию, инициирующую процесс морфологического построения единицы. Это позволяет обратиться к рассмотрению линейной функции позиции и квалифицировать ее на основании ее просодических характеристик, как *harf mutaharrik* или *harf svkin*. *Harf* тем самым определяется лишь как речевая позиция, обладающая потенциальной возможностью обретать фонологическое наполнение (*harf kvf*, *tv'*, *bv'*) и просодическую функцию (*mutaharrik*, *svkin*). Понятие *harf* есть, собственно говоря, совокупность этих двух потенций, реализация которых и генерирует его морфологическую функцию и обозначает его как крайний предел⁵, с которого и начинается собственно морфологический анализ. С другой стороны, по-

добное определение харфа определяет его место в системе анализа как предельной формы, заключающей минимально необходимый набор данных для собственно лингвистического анализа, тем самым он провозглашается минимальной языковой единицей вообще.

SAMVEL KARABEKIAN

THE LEVELS OF LINGUISTIC ANALYSIS AND THE BASIC UNITS OF DESCRIPTION IN THE TRADITIONAL ARABIC LINGUISTIC

Study of peculiarities of substantial structure of the primary stem in literary Arabic creates necessity of specification of levels of the linguistic analysis in terms of its description in traditional Arabic linguistics. Representation of various aspects of its contents in the terms of the levels of modern linguistics, not always allows to reveal effectively and adequately the substantial aspects of this language unit. In article attempt of research of substantial limits of traditional terms of the analysis - harf, kalima, jumla and the nearest on sense and system value of terms of theoretical linguistics is made.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., в частности: Трубенцов Н.С. Основы фонологии. М., 1960; Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988; Морфологическая структура слова в языках различных типов. Сб. статей, М., 1963.
2. См.: Карабекян С.В., Дамасян М.А. К проблеме репродукции текстовых форм в литературном арабском языке (в связи с задачей выделения минимальной единицы текста) // Вопросы арабистики. Вып. II. Ереван, Изд-во Кавказского центра лингвистики, 1997.
3. См.: Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа.
4. См.: Фролов Д.В. Классический арабский стих. М., 1991, с. 197.
5. Ср. другое значение данного корня: hīrf - край, предел.